

На правах рукописи

Пушкарская Наталья Вячеславовна

**КОНЦЕПЦИЯ ПЯТЕРИЧНОСТИ В РАННЕКИТАЙСКОЙ МЫСЛИ
И ЕЕ ПРЕЛОМЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ**

Специальность 5.7.2. – история философии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Москва – 2025

Работа выполнена в Центре изучения культуры Китая Федерального государственного автономного учреждения науки «Институт Китая и современной Азии Российской академии наук» (ИКСА РАН).

Научный руководитель:

Крушинский Андрей Андреевич

Доктор философских наук, главный научный сотрудник Центра изучения культуры Китая Федерального государственного автономного учреждения науки «Институт Китая и современной Азии Российской академии наук»

Официальные оппоненты:

Буров Владилен Георгиевич

Доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора философских проблем политики Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института философии Российской академии наук

Крыштоп Людмила Эдуардовна

Доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории философии факультета гуманитарных и социальных наук Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук

Защита состоится «3» июня 2025 г. в 15:00 часов на заседании диссертационного совета 24.1.143.04 Института философии РАН по адресу: 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, Зал заседаний Ученого совета (комн. 313).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института философии РАН и на сайте Института философии РАН:

https://iphras.ru/uplfile/diss/pushkarskaya/dissertatsiya_pushkarskaya_nv.pdf

Автореферат разослан «__» _____ 2025 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета 24.1.143.04,

кандидат философских наук

Н.П. Волкова

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

В условиях заявленного ныне разворота на Восток и магистрального курса на стратегическое партнёрство с Китайской Народной Республикой подлинное понимание менталитета нашего главного стратегического партнера становится насущнейшей задачей отечественного китаеведения. Необходимым условием успешного решения данной задачи является теоретическое осмысление категориальных оснований китайского мышления, в значительной мере детерминирующих образ мысли и поведение тех китайских руководителей, которые в настоящее время формируют траекторию политического движения КНР.

Постижение категориальных оснований китайского мышления в начале двухтысячных годов нынешнего столетия увенчалось прорывным осознанием категориального статуса гексаграмм «Книги перемен»¹. Дело в том, что уже самый первый шаг в направлении прояснения загадки китайской категориальности (опознание и каталогизация категорий китайской мысли) потребовал фиксации адекватного предмету критерия отбора. Действительно, в отсутствие такового упорные многолетние поиски категорий китайской мысли неизбежно свелись бы к тривиальному инвентаризированию важнейших понятий по авторитетным энциклопедическим словарям, к механической перетасовке уже имеющихся списков «категорий» и прочим слепым манипуляциям с текстами разной степени значимости. Только осознание категориальных проявлений (зримая предьявленность категориальных схем) фундаментального различия между дальневосточным и индоевропейским типами мышления подсказало естественный способ опознания китайской системы категорий – соответственно, выбраковки ложных претендентов на этот высочайший статус. Как было показано А.А. Крушинским², в случае Китая

---

¹ См.: Крушинский А.А. Логика Древнего Китая. – Москва: ИДВ РАН, 2013. – С. 168-170.

² Там же. – С. 109-173.

необходимым и достаточным признаком категориальности служит наличие той «схемы схем», каковой, по мнению упомянутого выше исследователя, является шестерица всевозможным образом заполняемых гексаграммных позиций.

Выход на масштабное исследование гексаграммной категориальности позволил – в развитие и углубление данной темы – задаться вопросом о возможных хронологических и концептуальных предшественниках этой уникальной категориальности, иначе говоря, поставить вопрос о ее предкатегориальных истоках.

Первоочередной кандидат на роль предшественника шестичастного схематизма «Книги перемен» – это непосредственно предшествующая **шестерице** гексаграммных позиций **пятерица** (рассматриваемая в контексте учения о пяти стихиях). Помимо порядкового предшествования, тут немаловажна еще и их предполагаемая структурная близость: достаточно правдоподобной выглядит трактовка шестеричности как результата расширения изначальной пятеричности посредством своего рода «удвоения» центральной позиции пятерицы³.

Смысловая нацеленность пятеричной схемы с наибольшей отчетливостью обнаруживает себя в протоиероглифической версии современного китайского обозначения цифры пять ⁴ (у 五). По свидетельству наиболее авторитетного толкового словаря древности, фокусной точкой этой пиктограммы является центр косоугольного креста, расположенного между двух горизонтальных отрезков⁵. Таким образом, главная задача пятеричной схемы – это схематизация

---

³ Развернутую аргументацию в пользу данной гипотезы см.: Карапетьянц А.М. Раннекитайская системология. – М.: Наука, Восточная литература, 2015. – С.102-104, 541-542.

⁴ Пиктограмма иероглифа у 五 заимствована из собрания надписей на гадательных костях *цзягувэнь* 甲骨文 (Цзягувэнь 甲骨文 [Надписи на гадательных костях] [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.zdic.net/zd/zx/jg/五> (дата обращения: 21.02.2025)).

⁵ «Пять стихий... [Пятерица образована] из двоицы... Инь и Ян пересекаются [в пространстве] между Небом и Землей...» (Шовэнь цзецзы 说文解字 [Объяснение написания и толкование иероглифических знаков] [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.zdic.net/hans/五> (дата обращения: 27.03.2025).

краеугольного для китайской философской рефлексии понятия центрированности.

Стержневая для всего китайского мироощущения интуиция «срединности» яснее всего заявляет о себе в самоопределении китайского этноса как «центрального». Ведь буквальный смысл современного слова «китайцы» – это «жители срединного государства» (中国人 *чжунгожэнь*). Тем самым жители Поднебесной идентифицируют себя как этнос, располагающийся именно в центре мира.

Разумеется, подобные льстящие национальному сознанию геофилософские иллюзии не представляют собой специфически китайскую черту. Однако, без сомнения уникальным, т. е. специфически китайским, в этом мифе о собственной (причем далеко не только географической) исключительности оказывается его исторически беспрецедентная мировоззренческая укорененность. Ведь представление о своем центральном месте в ойкумене (с точки зрения местоположения, истории, культуры и т. д.), обозначенное – так сказать, «прошито» – уже на пред-категориальном уровне, отсылает нас к тому, что вполне может быть охарактеризовано как «прапонятийное/протокатегориальное априори» китайской души. Неудивительно, что теоретическое осмысление (пра)понятия срединности – соответственно, особенностей функционирования обслуживающей его пятеричной схемы – стало одной из магистральных тем всей китайской философской мысли.

Актуальность изучения (пред)категориальных оснований древнекитайского мышления обусловлена их глубокой интеграцией в китайскую культуру, которая демонстрирует свою уникальную жизнеспособность, в том числе, на фоне тяжелейших потрясений XX века. В данном исследовании показывается, как базисные элементы китайской архаики продолжают влиять на различные сферы культурной жизни Китая и в настоящее время.

Степень разработанности темы исследования

Проблема своеобразности китайского стиля мышления и тесно связанная с ней проблематика числового классификационизма, столь широко представленного в философском нарративе мыслителей Древнего Китая, давно и серьезно разрабатывается как в России, так и за рубежом. Среди зарубежных исследователей в первую очередь следует назвать такие имена, как Дж. Легг⁶, М. Гране⁷, Дж. Нидэм⁸, А. Грэм⁹, М. Найлан¹⁰. К числу советских и российских китаеведов, исследовавших особенности древнекитайских версий пятеричной классификации, нужно отнести, прежде всего, В.С. Спирина¹¹, А.М. Карапетьянца¹², А.И. Кобзева¹³ и А.А. Крушинского¹⁴.

---

⁶ См.: Legge J. The Chinese Classics: With A Translation, Critical And Exegetical Notes, Prolegomena, and Copious Indexes, in seven volumes. – Vol. III. – P. II. The Shoo King, or The Book of Historical Documents. – Hong Kong: at the Author's. London: Trubner & Co., 60, Paternoster Row, 1865. – 735 p.

⁷ См.: Гране М. Китайская мысль от Конфуция до Лао-цзы. – М.: Алгоритм, 2008. – 528 с.

⁸ См.: Needham J. Science and civilization in China. – Vol. 2. – Cambridge: University Press, 1956. – 697 p.

⁹ См.: Graham A.C. Disputers of the Tao: philosophical argument in ancient China. – La Salle, Illinois: Open Court, 1989. – P. 320; Graham A.C. Yin-Yang and the nature of correlative thinking. – Singapore: Institute of East Asian Philosophies, 1986. – 94 p.

¹⁰ См.: Nylan M. A modest proposal, illustrated by the original «Great Plan» and Han readings // Cina. – 1988. – № 21. – P. 251-264; Nylan M. The Shifting Center: The Original «Great Plan» and Later Readings. Monumenta Serica Monograph Series. – Institut Monumenta Serica, Steyler Verlag: Sankt Augustin, Nettetal, 1992. – 211 p.

¹¹ См.: Спирин В.С. К вопросу о «пяти элементах» в классической китайской философии // Общество и государство в Китае. – Т. VI. – Ч. 1. – М.: Восточная литература, Наука, 1975. – С. 110-116; Спирин В.С. Об одной особенности древнекитайской философии // Общество и государство в Китае. – Т. V. – Ч. 1. – Москва: Наука, Восточная литература, 1974. – С. 43-48; Спирин В.С. О «третьих» и «пятых» понятиях в логике древнего Китая // Построение древнекитайских текстов. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. – С. 235-266.

¹² См.: Карапетьянец А.М. Древнейшая китайская культура по свидетельству «Великих правил» // Общество и государство в Китае. – Т. V. – Ч. 1. – Москва: Наука, Восточная литература, 1974. – С. 24-34; Карапетьянец А.М. Древнекитайская системология: уровень протосхем и символов-гуа. – Москва: Б. и., 1989. – 78 с. – (Препринт № 25 (1989)); Карапетьянец А.М. Раннекитайская системология. – М.: Наука, Восточная литература, 2015. – 564 с.

¹³ См.: Кобзев А.И. Пять элементов и «магические» фигуры «И-цзина» // Общество и государство в Китае. – Т. XII. – Ч. 1. – М.: Восточная литература, Наука, 1981. – С. 73-88; Кобзев А.И. Классификационная схема «пять элементов» – у син // Общество и государство в Китае. – Т. XIII. – Ч. 1. – М.: Восточная литература, Наука, 1982. – С. 34-48; Кобзев А.И. Учение о символах и числах в китайской классической философии. – Москва: Издательская фирма «Восточная литература», 1994. – 431 с.

Сопоставляя радикально разнящиеся позиции А.И. Кобзева и А.А. Крушинского по занимающей нас сейчас проблематике древнекитайского числового классификационизма¹⁵, следует подчеркнуть, что за разногласием в этом, казалось бы, частном вопросе скрывается непримиримое противостояние двух точек зрения относительно разрешения принципиальнейшей дилеммы «рациональное vs иррациональное» применительно к китайской теоретической мысли древности.

Глубоко самобытная «нумерологическая методология» А.И. Кобзева, недвусмысленно адресующая к числовому мистицизму пифагорейского типа, знаменует разрешение указанной выше дилеммы в сторону ее правого рога. В подобной оптике «нумерологический» иррационализм оказывается настоящим мейнстримом всего китайского традиционного мышления. Но следует напомнить, что столь решительный разворот А.И. Кобзева в сторону иррационализма расходится не только с позицией А.А. Крушинского, вслед за первопроходцем В.С. Спириным настаивающим на существовании автохтонных логических теорий в Древнем Китае (т. е. на наличии там высокоразвитых форм рационализма еще в глубокой древности), но и с научными убеждениями упомянутых ранее предшественников и учителей А.И. Кобзева¹⁶.

---

¹⁴ См.: Крушинский А.А. Числа и китайское коррелятивное мышление // Число. – Москва: МАКС пресс, 2009. – С. 326-340; Крушинский А.А. Логика образования понятий в древнем Китае // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. – 2006. – № 5. – С. 5-22; Крушинский А.А. Логика Древнего Китая. – Москва: ИДВ РАН, 2013. – 384 с.

¹⁵ По мнению первого из упомянутых ученых, у древних китайцев «математические или математикообразные объекты – числовые комплексы и геометрические структуры» связаны между собой «главным образом не по законам математики, а как-то иначе – символически, ассоциативно, фактуально, эстетически, мнемонически, суггестивно и т. д.» (Кобзев А.И. Учение о символах и числах в китайской классической философии. – Москва: Издательская фирма «Восточная литература», 1994. – С. 25). А.А. Крушинский, напротив, убежден в математической строгости чисел, выступающих у китайских мыслителей и ученых в качестве числовых кодов для объектов произвольной природы. Например, см.: Крушинский А.А. Логика Древнего Китая. – Москва: ИДВ РАН, 2013. – С. 301.

¹⁶ «...в отличие от А.М. Карапетьянца и В.С. Спирина, мы не считаем нумерологическую методологию ни логикой, ни наукой вообще» (Кобзев А.И. Учение о символах и числах в китайской классической философии. – Москва: Издательская фирма «Восточная литература», 1994. – С. 31).

Особо следует выделить высокую степень проработанности историко-археологической стороны вопроса в Китае. Ценные тексты, найденные в результате археологических раскопок захоронений в Мавандуе 马王堆 (1972-1974 гг.) и Годяне 郭店 (1993 г.), исчерпывающе представлены публикациями Музея провинции Хунань (Хунаньшэн боугуань 湖南省博物馆)¹⁷ и Музея провинции Хубэй городского округа Цзинмэнь (Хубэйшэн Цзинмэньши боугуань 湖北省荆门市博物馆)¹⁸, а затем прокомментированы такими видными китайскими учеными, как Пан Пу 庞朴¹⁹ и Ли Сюэцин 李学勤²⁰.

---

¹⁷ См.: Хунаньшэн боугуань 湖南省博物馆 [Музей провинции Хунань]. Чанша Мавандуй Ханьму цзяньбо цзичэн (сы) 长沙马王堆汉墓简帛集成(肆) [Полное собрание текстов на бамбуке и шелке из ханьских захоронений в Мавандуе городского округа Чанша (четвертый том)]. – Бэйцзин 北京: Чжунхуа шуцзюй 中华书局, 2014. – 288 с.

¹⁸ См.: Хубэйшэн Цзинмэньши боугуань 湖北省荆门市博物馆 [Музей провинции Хубэй городского округа Цзинмэнь]. Цзинмэнь Годянь ихао чуму 荆门郭店一号楚墓 [Чуское захоронение № 1 в деревне Годянь городского округа Цзинмэнь] // Вэнь у 文物 [Культурные реликвии]. – 1997. – № 7. – С. 35–48.

¹⁹ См.: Пан Пу 庞朴. Кун Мэн чжицзянь: Годянь чжуцзянь дэ сысянши дивэй 孔孟之间: 郭店楚简的思想史地位 [Между Конфуцием и Мэн-цзы: место бамбуковых дощечек из Годяня в истории мысли] // Чжунго шэхуэй кэсюэ 中国社会科学 [Общественные науки в Китае]. – 1998. – № 5. – С. 88-95; Пан Пу 庞朴. Мавандуй бошу цзекайлэ Сы Мэн у син шо чжи мэй – бошу «Лао-цзы» цзябянь цюаньхоу гу ишу чжи и дэ чубу яньцзю 马王堆帛书解开了思孟五行说之谜 – 帛书 «老子» 甲本卷后古佚书之一的初步研究 [Книга на шелке из Мавандуя раскрыла тайну учения о пяти стихиях школы Цзы Сы и Мэн-цзы: предварительное исследование одного из древних утерянных текстов, найденного в приложении к книге на шелке «Лао-цзы» версии А] // Вэнь у 文物 [Культурные реликвии]. – 1977. – № 10. – С. 63-69; Пан Пу 庞朴. «У син пянь» пиншу «五行篇» 评述 [Обзор текста «У син»] // Вэнь ши чжэ 文史哲 [Литература, история, философия]. – 1988. – № 1. – С. 5-17; Пан Пу 庞朴. Инь-ян у син таньюань 阴阳五行探源 [Исследование происхождения инь-ян и у син] // Чжунго шэхуэй кэсюэ 中国社会科学 [Общественные науки в Китае]. – 1984. – № 3. – С. 75-98.

²⁰ См.: Ли Сюэцин 李学勤. Бо шу «У Син» юй «Шан шу · Хун фань» 帛书 «五行» 与 «尚书 · 洪范» [Книга на шелке «У син» и «Хун фань» из «Шан шу»] // Сюэшу юэкань 学术月刊 [Академический ежемесячный журнал]. – 1986. – № 11. – С. 37-40; Ли Сюэцин 李学勤. Тай И шэн шуй дэ шушу цзеши «太一生水» 的数学解释 [Математическое объяснение текста «Великое Единое рождает воду»] // Годянь Лао-цзы юй Тай И шэн шуй 郭店老子与太一生水 [Годяньский Лао-цзы и Великое Единое рождает воду]. – Бэйцзин 北京: Сюэюань чубаньшэ 学院出版社, 2005. – С. 252-255; Li Xueqin. Lost Doctrines of Guan Yin as Seen in the Jingmen Guodian Chu Slips // Contemporary Chinese Thought. – 2000. – Vol. 32. – № 2. – P. 55-60; Li Xueqin. The Important Discovery of Pre-Qin Confucian Texts // Contemporary Chinese Thought. – 2000. – Vol. 32. – № 1. – P. 58-62; Li Xueqin. The Xia-Shang-Zhou chronology project: methodology and results // Journal of East Asian Archaeology. – 2002. – Vol. 4. – № 1. – P. 321-333.

Пристальное внимание при подготовке собственного частичного перевода основного первоисточника учения о пяти стихиях у син 五行 – главы «Хун фань» «洪范» из «Шан шу» «尚书», автор диссертации уделил значимым зарубежным (А. Гобиль²¹, У.Г. Медхерст²², Дж. Легг²³, С. Куврер²⁴, Б. Карлсгрен²⁵) и отечественным (Н.Я. Бичурин²⁶, С.Р. Кучера²⁷, В.М. Майоров²⁸, Г.С. Попова²⁹) переводам этой главы. При подготовке отрывков из годяньских текстов «У син» «五行» и «Да И шэн шуй» «大一生水» в распоряжении диссертанта были оригинальные тексты с бамбуковых дощечек, изданные Музеем города Цзинмэнь (Цзинмэньши боугуань 荆门市博物馆)³⁰,

---

²¹ См.: Gaubil A. Le Chou-King, un des livre sacrés des Chinois, qui renferme les fondements de leur ancienne histoire, les principes de leur gouvernement & des leur morale; ouvrage recueilli par Confucius. – Paris: N. M. Tilliard, 1770. – 625 p.

²² См.: Medhurst W.H. Ancient China, The Shoo King, or the Historical Classic: Being the Most Ancient Authentic Record of the Annals of the Chinese empire, illustrated by later commentators. – Shanghai: Printed at the Mission Press, 1846. – 413 p.

²³ См.: Legge J. The Chinese Classics: With A Translation, Critical And Exegetical Notes, Prolegomena, and Copious Indexes, in seven volumes. – Vol. III. – P. II. The Shoo King, or The Book of Historical Documents. – Hong Kong: at the Author's. London: Trubner & Co., 60, Paternoster Row, 1865. – 735 p.

²⁴ См.: Couvruer S. Chou King: Les annales de la Chine. – Paris: Cathasia; Leiden: E.J. Brill, 1950. – 464 p.

²⁵ См.: Karlgren B. Glosses on the «Book of Documents». – Göteborg: Elanders Boktryckery Aktiebolag, 1970. – 206 p.

²⁶ См.: «Древняя китайская история» Н.Я. Бичурина: Транскрипция и факсимиле рукописи 1822 года с переводом «Шу цзина», древнекитайский текст оригинала / пер. Н.Я. Бичурина; транскр. В.М. Майорова, М.А. Смирновой, Л.В. Стеженской; под общ. ред. В.М. Майорова. – Москва: ИДВ РАН, 2014. – 608 с.

²⁷ См.: Великий закон // Древнекитайская философия / пер. с кит. С. Кучеры. – Т. 1. – Москва: Мысль, 1972. – С. 104-111.

²⁸ См.: Чтимая книга: древнекитайские тексты и перевод «Шан шу» («Шу цзин») и «Малого предисловия» («Шу сюй») / пер. В.М. Майорова. – Москва: ИДВ РАН, 2014. – 1149 с.

²⁹ См.: Попова Г.С. Исследование, перевод и комментарий «Предисловий к записям» (Шу-сюй) // Общество и государство в Китае. – 2015. – Т. 45. – № 1. – С. 565-601; Шу-цзин («Канон записей») / исслед., пер. с кит., комм. и указ. Г.С. Поповой; Институт востоковедения РАН. – М.; СПб.: Нестор-История, 2020. – 408 с.

³⁰ См.: Цзинмэньши боугуань 荆门市博物馆 [Музей города Цзинмэнь]. Годянь чуму чжуцзянь 郭店楚墓竹简 [Годяньские бамбуковые дощечки из чуских захоронений]. – Бэйцзин 北京: Вэньу чубаньшэ 文物出版社, 1998. – 230 с.

англоязычные (К. Холлоуэй³¹, С. Аллан³², Син Вэнь³³, Цай Чжэньфэн³⁴, К. Лай³⁵) и русскоязычные (Е.М. Свиридова³⁶) переводы и комментарии.

Хотя китайские представления концепта пятеричности открыты множеству различных методологических подходов (соответственно, допускают разнообразные историко-философские прочтения), большинство китаеведов в значительной мере продолжает ориентироваться на прошловековой перечислительно-описательный стиль М. Гране. На наш взгляд, такой подход не только оставляет в тени все логико-математические аспекты обсуждаемой пятеричной схемы, но и уводит в сторону от философской в собственном смысле этого слова проблематизации феномена китайского числового классификационизма. Поэтому предложенная в настоящей работе идентификация пятеричности пяти стихий как важнейшей (прото)категориальной схемы Древнего Китая видится автору серьезным шагом в направлении долгожданной экспликации собственно философской значимости пятеричной классификации в контексте учения о пяти стихиях.

Объектом исследования является концепция пятеричности (наиболее развернуто представленная в рамках древнекитайского учения у *син* 五行) в контексте древнекитайской мысли, включая историю ее возникновения и развития на стадии формирования этой концепции.

---

³¹ См.: Holloway K. «The Five Aspects of Conduct» 五行: Introduction and Translation // Journal of the Royal Asiatic Society. – 2005. – Vol. 15. – № 2. – P. 179-198.

³² См.: Allan S. The way of water and sprouts of virtue. – Albany: State University of New York Press, 1997. – 181 p.; Allan S. The Great One, Water, and the Laozi: New Light from Guodian // T'oung Pao. – 2003. – Vol. 89. – № 4. – P. 237-285.

³³ См.: Xing Wen. Early Daoist Thought in Excavated Bamboo Slips // Dao Companion to Daoist Philosophy. – Dordrecht: Springer, 2015. – P. 101-126.

³⁴ См.: Tsai C.F. Zisi and the Thought of Zisi and Mencius School // Dao Companion to Classical Confucian Philosophy. – Dordrecht: Springer, 2014. – P. 119-138.

³⁵ См.: Lai K. Ren 仁: An Exemplary Life // Dao Companions to the Analects. – Dordrecht: Springer Science + Business Media, 2014. – P. 83-94.

³⁶ См.: Свиридова Е.М. Системы философских категорий в госяньских рукописях // Человек и культура Востока. Исследования и переводы. 2008 / сост. В.Б. Виноградская. – Москва: ИДВ РАН, 2009. – С. 116-139.

Предметом исследования является своеобразие арифмо-геометрической структуры раннекитайской категориальности в лице такого ее образцового представителя, как пятеричная протокатегориальная схема.

Цель и задачи исследования

Целью исследования является выявление категориальной специфики концепции пятеричности в раннекитайской философской мысли.

Достижение данной цели предусматривает решение следующих **задач**:

1. Обзор релевантного целям исследования массива первоисточников для определения-уточнения аутентичного объема и содержания понятия пятеричности.

2. Систематизация данных этих первоисточников в целях идентификации характерно протокатегориальных особенностей учения о пяти стихиях.

3. Экспликация механизма функционирования пятеричной протокатегориальной схемы.

4. Логико-математическая реконструкция опорных положений учения о пяти стихиях.

5. Идентификация и обоснование межкультурного и универсального характера пятеричной протокатегориальной схемы.

6. Отслеживание влияния идеологии пятеричности как на традиционную, так и на современную китайскую культуру.

Научная новизна исследования

Элементы научной новизны представлены в следующих конкретных результатах:

1. Проведен историко-философский анализ логико-методологической направленности древнекитайской концепции пятеричности. Впервые предложена интерпретация пятеричной классификации как стержневой протокатегориальной схемы. Разъяснены ее структурные и функциональные особенности. Осуществлен сравнительный анализ пятеричной протокатегориальной схемы с четверицей досократиков. Представлены

аргументы, обосновывающие статус пятеричной протокатегориальной схемы как межкультурной универсалии.

2. Детально рассмотрено содержание учения о пяти стихиях на основе текстовых первоисточников доциньской эпохи. При этом особое внимание уделено главе «Хун фань» «洪范» из «Шан шу» «尚书».

3. Автором осуществлен оригинальный перевод на русский язык принципиально важных для понимания учения о пяти стихиях фрагментов привлекаемых им первоисточников.

4. Прослежено влияние пятеричных наборов понятий, данных в главе «Хун фань», на дальнейший ход развития учения о пяти стихиях в раннем конфуцианстве.

5. Проанализировано значение учения о пяти стихиях как манифестации сущностного изменения системы познания, произошедшего в Древнем Китае в эпоху Чжоу.

6. Раскрыта логико-методологическая ценность и актуальность архаичной концепции пятеричности и в основных чертах прослежено ее системное влияние на современную китайскую культуру в качестве протокатегориальной схемы.

Теоретическая и практическая значимость диссертации

Данная работа представляет собой попытку воссоздания целостной картины развития китайского учения о пяти стихиях у *син*, что может послужить подспорьем для дальнейших исследований в данном направлении. Использование в диссертационном исследовании логико-математических приемов в отношении анализируемых числовых конструкций может способствовать формированию более строгих научных стандартов при исследовании китайского числового классификационизма.

Результаты данного исследования представляют интерес как для специалистов-китаеведов, профессионально занимающихся изучением китайской философии и культуры, так и для всех тех, кого всерьез занимает специфика архаичного теоретического мышления, столь отличного от

привычного для нас и, казалось бы, безальтернативного способа теоретизирования. Полученные в ходе диссертационного исследования результаты могут быть полезны при подготовке научных публикаций, разработке учебных материалов, проведении лекций и специализированных курсов по истории философии Древнего Китая.

Методология исследования

Основной метод данного диссертационного исследования – это историко-философский анализ. Главнейшим методологическим принципом для нас является требование непосредственного обращения к первоисточникам, для чего прежде всего потребовалось очертить границы ключевой эпохи – времени возникновения специфически китайской версии пятеричной схемы. Верхняя граница рассмотрения основных текстовых иероглифических источников проходит на рубеже большой эпохи Чжоу 周 и династии Цинь 秦 (до 221 г. до н.э.), в то время как нижняя граница уходит в глубокое прошлое, к началу китайской истории. Для выбора аутентичных источников в рамках заданных временных ограничений, автор диссертации опирался на наиболее авторитетные работы, базирующиеся на достоверных археологических данных, включающих археологические отчеты китайских исследователей.

Следующим по важности методологическим принципом стал постулат о нерасторжимой связи между языком и философской мыслью. Именно исходная иконичность древнейшей и базовой составляющей китайской иероглифики предредила своеобразный, образно схематизирующий характер китайской мысли (в том числе философской мысли). Данное обстоятельство позволило автору привлечь в качестве незаменимого инструментария ряд замечательных концептуальных наработок И. Канта (прежде всего понятие трансцендентальной схемы).

Основные положения, выносимые на защиту

1. Пять стихий у *син* 五行 с историко-философской точки зрения представляют собой важнейшую из протокатегориальных схем (в число

последних входят также двоичная и троичная классификации *инь-ян* 阴阳 и *сань цай* 三才).

2. Китайская четверица-пятерица и четверица досократиков структурно и функционально близки. Их роднит очевидное структурное сходство (пять – это четыре плюс центр, соответственно, четыре – это пять с латентным центром), а также статус пред-категориальных представлений. Данное наблюдение заставляет предполагать межкультурную универсальность этих геометрико-нумерических конструкторов, рассматриваемых в качестве протокатегориальных схем.

3. Свойства магического квадрата Ло шу являются экспликацией логико-математических алгоритмов пятеричной классификации, на арифметическом уровне демонстрируя ключевые особенности функционирования пятерицы в качестве протокатегориальной схемы понятия центрированности.

4. Учение о пяти стихиях у *син* 五行 возникло в историческую эпоху Древнего Китая до начала периода Цинь 秦 (до 221 г. до н. э.), и ее основным текстовым источником является глава из книги «Шан шу» «尚书» «Хун фань» «洪范», в которой учение о пяти стихиях представлено развернуто и в системном виде.

5. Учение о пяти стихиях у *син* в «Хун фань» является источником целого ряда идей раннего конфуцианства, отразившихся в более поздних философских трактатах эпохи Восточной Чжоу, включая концепцию пяти возвышающих образцов поведения 德之行 *дэ чжи син*, ярко представленную в тексте «У син» «五行» (обнаруженном в ходе археологических раскопок во второй половине XX в.).

6. Пред-категориальные представления Древнего Китая до сих пор являются неотъемлемыми и весьма актуальными компонентами современной китайской ментальности, что находит свое отражение в таких сферах культуры, как китайское боевое искусство тайцзицюань, китайская музыка и традиционная китайская медицина.

Степень достоверности и апробация результатов

Высокая степень достоверности настоящего исследования обеспечивается привлечением широкого и разнообразного круга использованной научной литературы на разных языках, включая классический письменный китайский язык – *вэньянь*, а также выбором методологии вполне адекватной целям и задачам данного исследования.

Основные выводы и результаты исследования обсуждались в рамках научно-исследовательских семинаров, на Международных и Всероссийских конференциях:

- Научно-исследовательский семинар «География рациональности» Института философии РАН (с 2018 г. по 2022 г.);
- XX, XXI, XXII Всероссийские конференции «Философии Восточно-Азиатского региона (Китай, Япония, Корея) и современная цивилизация» (Москва, 2014 г., 2015 г., 2016 г.);
- V Международная конференция «Новгородика-2015. От «Русской правды» к русскому конституционализму» (Великий Новгород, 2015);
- XXII, XXIII, XXIV Международные научные конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (Москва, 2016 г., 2018 г., 2020 г.);
- Международная научная конференция «Человек и общество в контексте современности» (Философские чтения памяти профессора П.К. Гречко) (Москва, 2017 г.);
- I, II Международные конференции «Россия и Китай: диалог культур» (Москва, 2018, 2019);
- XXIII, XXIV Международные научные конференции «Китай и Восточная Азия: философия, литература, культура» (Москва, 2022 г., 2023 г., 2024 г.).

Структура и объем диссертации

Диссертационная работа состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка. Объем основного текста диссертационной работы составляет 242 страниц. Список литературы включает 314 источников. Диссертационная работа содержит 13 таблиц и 38 рисунков.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, анализируется степень её разработанности, формулируется цель и основные задачи работы, приводится характеристика методологических принципов, освещается научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования. Формулируются основные положения, выносимые на защиту, приводятся данные по апробации результатов исследования.

Первая глава «Учение о пяти стихиях у син 五行 в доциньском Китае» посвящена обзору основных первоисточников учения о пяти стихиях у син 五行 и историографическому обзор интерпретаций этого учения.

В **части 1.1. «Обзор основных первоисточников учения о пяти стихиях»** рассматриваются основные первоисточники учения о пяти стихиях у син, к которым относятся тексты эпохи Чжоу 周, содержащие наиболее ранние упоминания пяти стихий и составленные до начала периода Цинь 秦 (до 221 г. до н.э.). Главным текстовым источником, определяющим характер всего исследования, является глава из книги «Шан шу» «尚书» под названием «Хун фань» «洪范». Обзор завершается рассмотрением древних текстов, обнаруженных в конце XX в. во время археологических раскопок. К ним относятся тексты «У син» «五行» и «Да И шэн шуй» «大一生水».

В **разделе 1.1.1. «Гань ши» «甘誓» («Торжественная клятва в месте Гань»)** анализируется совсем небольшой текст «Гань ши» «甘誓» из раздела

«Документы [эпохи] Ся» «夏书» «Ся шу» сборника «Шан шу» «尚书» в связи с тем, что исследователи часто начинают описание истории развития учения о пяти стихиях с этого текста. В итоге автор диссертации приходит к выводу о том, что данный текст не является первоисточником учения о пяти стихиях, так как, во-первых, он находится в разделе «Шан шу», посвященном эпохе Ся 夏, чья историчность весьма сомнительна, во-вторых, характер отсылок к учению о пяти стихиях заставляет читателя подозревать, что здесь это учение представлено в гораздо более поздней редакции.

В разделе 1.1.2. ««Хун фань» «洪范» («Великий план»)» подробно рассматривается основной первоисточник учения о пяти стихиях – глава «Хун фань», содержащаяся в посвященном эпохе Чжоу 周 разделе сборника «Шан шу» «尚书» и относящаяся к доциньской эпохе. Представленная в этой главе экспозиция учения о пяти стихиях является наиболее ранней и систематизированной. Все ключевые отрывки текста главы даны в переводе автора диссертации. В разделе 1.1.2. разбирается структура произведения, текст сопровождается подробными комментариями историко-философского характера. Попутно обсуждаются мифологические сюжеты, составляющие немаловажную часть содержания текста «Хун фань», анализируется соотношение мифов и исторических событий, затронутых в данной главе. Автор приходит к выводу о том, что сквозной темой главы «Хун фань» является концепция передачи и аккумуляции особого, сакрального, знания. Возникновение этой идеи обусловлено эпистемологическим сдвигом, происходящим на фоне радикальной смены способа познания мира. В рамках такой интерпретации, каждый из пятеричных наборов понятий становится эталонным образцом определенного вида знания, а в центре Поднебесной оказывается образцовый правитель.

В разделе 1.1.3. «Сы Мэн сюэпай 思孟学派 (Школа Цзы Сы и Мэн-цзы)» разбирается философское направление Сы Мэн сюэпай 思孟学派. Дело в том, что единственным основанием для утверждения о самом существовании

подобного течения философской мысли становится критическое высказывание великого китайского философа Сюнь-цзы 荀子, в котором он не только их объединяет, но и упоминает об общем для них учении о пяти стихиях. Ответом на вопрос о существовании Школы Цзы Сы и Мэн-цзы и их варианта учения о пяти стихиях служит обнаруженный в ходе двух археологических раскопок (в Мавандуе и Годяне) текст «У син».

В подразделе 1.1.3.1. ««У син» «五行»» рассматривается история обнаружения текста «У син» «五行», приводятся аргументы в пользу его доциньского происхождения и принадлежности к ранее утраченному сборнику текстов «Цзысы-цзы» «子思子» философа Цзы Сы 子思. Принципиально важный для исследования отрывок текста ««У син»» представлен в переводе автора диссертации. Разбираются обсуждаемые в «У син» пять типов эталонного поведения *дэ чжи син* 德之行 (человечность *жэнь* 悃 (仁), умение держаться с достоинством *и* 義 (义), соблюдение церемониальных правил *ли* 禮 (礼), обладание знанием *чжи* 智, глубокомысленность *шэн* 聖 (圣)), осуществляется ретроспективный анализ эволюции данных понятий. Выявляется главная особенность текста «У син» – наличие разграничения между внутренней и внешней обусловленностью поведения человека в процессе самосовершенствования.

В подразделе 1.1.3.2. ««Мэн-цзы» «孟子»» производится анализ цитат из «Мэн-цзы», которые доказывают связь философских идей Мэн-цзы с идеями его предшественника Цзы Сы (в первую очередь, это пять эталонов поведения *дэ чжи син*, внутренняя природа нравственного самосовершенствования, а также тема противопоставления и взаимосвязи природы человека *син* 性 с предназначением Небес *мин* 命). Далее аргументируется наличие взаимосвязи между общей для Цзы Сы и Мэн-цзы концепцией пяти эталонов поведения *дэ чжи син* и учением о пяти стихиях *у син* в главе «Хун фань».

В итоге автор диссертации приходит к выводу о том, что выделение школ Цзы Сы и Мэн-цзы в отдельное философское направление вполне оправданно. Их, в частности, объединяет существенная для настоящего исследования идея самосовершенствования человека. Диссертант находит достаточно оснований для того, чтобы утверждать, что пять эталонов поведения *дэ чжи син* являются продолжением и развитием учения о пяти стихиях *у син*, представленного в «Хун фань».

В разделе 1.1.4. ««Да И шэн шуй» «大一生水» («Великое Единое порождает воду»)» рассматривается еще один первоисточник учения о пяти стихиях. Значимая для исследования часть текста «Да И шэн шуй» дана в переводе автора диссертации. Этот уникальный текст, обнаруженный во время госяньских раскопок, важен по нескольким причинам. Во-первых, этот текст признан относящимся к доциньской эпохе. Во-вторых, он демонстрирует несколько иной подход к стихиям, нежели в «Хун фань», здесь стихия воды предстает в виде космогонического субстрата, схожего по своим функциям с первоначалами досократиков. Наконец, в-третьих, связь стихии воды (соответственно, идеи о Великом Едином) с древней астрономией и математическими вычислениями в рамках мантических практик (адресующих, в частности, к наиболее древней версии магического квадрата) показывает, что истоки возникновения учения о пяти стихиях лежат в глубокой древности, еще задолго до разделения архаической китайской мысли на конфуцианство и даосизм.

Часть 1.2. «Историография учения о пяти стихиях у син 五行» содержит историографический обзор интерпретаций учения о пяти стихиях и перечисление основных работ, посвященных этой теме. В качестве основных трактовок выступают представления о пяти стихиях как о материалах, процессах и, наконец, как о символических рубриках в рамках пятеричной классификации.

Раздел 1.2.1. «Этимология знака *син* 行» предваряет дальнейшее рассмотрение интерпретаций учения о пяти стихиях. Здесь автор диссертации делает краткий экскурс в лингвистические особенности китайского языка и осуществляет этимолого-семантический анализ знака *син* 行 с целью прояснить различные оттенки смысла этого иероглифа.

В разделе **1.2.2. «Пять стихий как пять материалов»** рассматриваются работы исследователей, трактующие китайские стихии как материальные субстанции. В подобных трактовках можно с известной долей условности различить два следующих уровня «материальности»: с одной стороны, материальность орудий труда и природных объектов, с другой – вещественность естественно-природных субстанций и химических элементов (Дж. Легг, Дж. Нидэм, Ф.С. Быков, Лу Юйлинь 陆玉林).

В разделе **1.2.3. «Пять стихий как пять процессов»** акцентируется процессуальный аспект каждой из пяти стихий (Дж. Нидэм, А. Грэм). Для этого этапа характерна дискуссия об уместности самого термина «элемент, элементы» в качестве иноязычного эквивалента знака *син* 行. Следующий рубежный шаг в трактовке пяти стихий – это переключение внимания с природных процессов на ментальные процессы, адресующие к сознанию и поведению человека (А. Грэм).

Раздел **1.2.4. «Пять стихий как классификационная схема»** обсуждается сравнительно продвинутый уровень интерпретации природы пяти стихий. Трактовка пяти стихий как «эмблематических рубрик» (М. Гране), числовых классификаторов стала важной вехой на пути раскрытия природы феномена пятеричности. В отечественном китаеведении эта интерпретация нашла отклик у многих исследователей (В.С. Спиринов, А.М. Карапетьянц, А.И. Кобзев, А.А. Крушинский). Далее в тексте раздела представлены главные особенности подхода перечисленных выше отечественных ученых к объяснению устройства и функционирования пятерницы. Особое внимание

уделяется характеристике числовой составляющей пятеричной классификационной схемы.

Вторая глава «Пятерица как универсальная структура первичной категориальности» представляет собой главную часть исследования, в которой диссертант формулирует новую интерпретацию концепта пятеричности как протокатегориальной схемы.

В части 2.1. «Раннее категориальное мышление в Древнем Китае и Древней Греции: поиск аналогий» сначала дается краткое введение в некоторые аспекты сравнительной философии и упоминаются основополагающие исследования в этой области в России и за рубежом.

В разделе 2.1.1. «Stoicheia» производится этимолого-семантический анализ греческого термина *stoicheia* (στοιχεῖα) / *stoicheion* (στοιχεῖον) и латинского термина *elementa* / *elementum*, чтобы обосновать выбор термина «стихия/стихии» для перевода китайского термина *син* 行. По мнению автора, термин *stoicheia* (στοιχεῖα) / *stoicheion* (στοιχεῖον) более предпочтителен в качестве эквивалента знака 行 (взятого в составе иероглифического бинорма 五行).

В разделе 2.1.2. «Понятие категориальности» уточняется понятие категории и категориального мышления. Принципиально важными для цели и задач исследования характеристиками категориального мышления автор считает предельную общность и априорность абстрактных понятий, позиционируемых в качестве категорий.

В разделе 2.1.3. «Поиск категорий: досократики» проводится сопоставительный анализ натурфилософских воззрений ранних греческих философов и древнекитайского учения о пяти стихиях. Результаты этого анализа свидетельствуют о структурной сопоставимости фигурирующей у досократиков четверицы с китайской пятерницей, рассматриваемой в контексте учения о пяти стихиях.

В разделе **2.1.4. «Поиск категорий: Древний Китай»** представлены основные китайские классификационные схемы (двоичная *инь-ян* 阴阳, троичная *сань цай* 三材 и пятеричная *у син* 五行), составляющие основу гексаграммного схематизма. Обсуждается проблема опознания и выявления категориального фундамента китайской мысли.

В разделе **2.1.5. «Понятие протокатегориальной схемы и числовой схематизм»** автор диссертации вводит понятие протокатегориальной схемы, а также обосновывает правомерность идентификации китайской пятеричной классификации именно как протокатегориальной схемы. Согласно автору, главной задачей пятеричной протокатегориальной схемы является схематизация краеугольного для китайской философской рефлексии понятия «срединности».

В разделе **2.1.6. «Структурные и функциональные особенности четверицы и пятерицы: различие и сходство»** осуществляется сравнительный анализ четверицы досократиков и китайской пятерицы, в ходе которого выявляются структурные и функциональные особенности четверицы и пятерицы, их различие и сходство. Автор диссертации приходит к выводу о том, что основным различием здесь выступает различие между субстанциональностью греческих первоэлементов и реляционностью китайских стихий. Вдобавок у четверицы и пятерицы обнаруживается как структурное (ведь фигура пятерицы представляет собой четверицу, дополненную центром), так и функциональное родство – обе геометрико-числовые структуры выступают в качестве протокатегориальных схем.

Часть 2.2. «Магический квадрат Ло шу 洛书 как выражение числовых отношений пятеричной протокатегориальной схемы» включает в себя рассмотрение магического квадрата Ло шу как экспликации числовых отношений, структурирующих пятеричную протокатегориальную схему. Демонстрируется способ образования новых понятий на основе логико-математического алгоритма магического квадрата.

В разделе 2.2.1. «Место субъекта в китайской протокатегориальной схеме» фиксируется ведущая роль протокатегориальных схем в формировании и теоретическом осмыслении понятия субъекта в древнекитайском мировоззрении.

В части 2.3. «Универсальность идеи пятеричности» обсуждается проблема универсальности четверично-пятеричного схематизма. В качестве подтверждения отстаиваемого диссертантом тезиса о пятеричности как об одной из межкультурных универсалий указывается на ее широчайшую распространенность.

Раздел 2.3.1. «Das Geviert – четверица Мартина Хайдеггера» содержит краткое представление четверицы в трудах позднего М. Хайдеггера, демонстрируется ее структурная близость к китайской четверично-пятеричной схематике.

Третья глава «Роль пятеричности и других протокатегориальных схем в современной китайской культуре» посвящена роли пятеричности в современной культуре Китая. Диссертант использует междисциплинарный подход для рассмотрения пятеричности в рамках так называемой «культуры *инь-ян / у син*» (инкорпорирующую в себя также троичную классификацию *сань цай* 三才). На примере китайского боевого искусства тайцзицюань, музыкальной системы Китая и китайской традиционной медицины прослеживается функционирование архаичных компонентов китайской мысли в современной культуре Китая.

В части 3.1. «Культура *инь-ян* 阴阳 и *у син* 五行 в китайском боевом искусстве тайцзицюань» дается краткая характеристика ситуации, связанной с трудностями изучения истории тайцзицюань, очерчивается положение боевого искусства в связи с происходящими в Китае историческими событиями XX в. Анализируется концептуальный фундамент тайцзицюань с особенным акцентом на ту ведущую роль, которую сыграли указанные выше двоичная и

пятеричная протокатегориальные схемы в формировании этого боевого искусства.

В части 3.2. «Связь культуры *инь-ян* 阴阳 и *у син* 五行 и музыкальной системы Китая» автор начинает с обзора основных точек зрения на проблему становления музыкальной системы Китая, затем диссертант дает общую картину трансформаций музыкальной культуры Китая, связанных с жизнью страны в XX в. Влияние базовых протокатегориальных схем «культуры *инь-ян* и *у син*» заявляет о себе в форме характерного для традиционной музыкальной системы Китая пятиступенного лада *у шэн* 五声 и двенадцатиступенного звукоряда *шиэрлюйлюй* 十二律吕. Специально разбирается уникальный способ порождения музыкальных тонов, известный, как метод «вычитания и сложения третьей части» «*саньфэнь суньи*» «三分损益». Его алгоритм целиком основывается на двоично-троичной структуре гексаграмм.

В части 3.3. «Китайская традиционная медицина и культура *инь-ян* 阴阳 и *у син* 五行» содержится краткий очерк основных изменений, произошедших с традиционной китайской медициной в течение XX в. Постулат связности и взаимозависимости всех процессов, происходящих в организме человека, продиктован самим характером отношений, присущих идеологии *инь-ян / у син*.

В **Заключении** подводятся итоги исследования и намечаются перспективы дальнейшей разработки темы.

III. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе проведенного исследования была достигнута главная намеченная цель диссертационной работы – выявление категориальной специфики идеи пятеричности в ранней философской мысли Древнего Китая. Было установлено, что пятеричная классификация, известная в истории китайской философии как

учение о пяти стихиях у *син* 五行, играет роль протокатегориальной схемы в традиционной китайской мысли.

Была подтверждена аутентичность главного источника учения о пяти стихиях – главы «Хун фань» из «Шан шу», что позволяет считать ее принадлежность доциньской эпохе несомненной. Данный вывод базируется на уникальных археологических материалах раскопок в Мавандуе и Годяне, внесших значительный вклад в установление правильной датировки текста. Подтверждение подлинности главы «Хун фань» было для нас критически важным, так как многие выводы исследования опираются на ее анализ.

Открытие в ходе археологических раскопок ранее неизвестных текстов «У син» «五行» и «Да И шэн шуй» «大一生水» позволили найти доказательства укоренённости истоков учения о пяти стихиях в ранних космологических идеях Древнего Китая. В частности, текст «Да И шэн шуй» «大一生水» демонстрирует не только восприятие стихии воды как космогонического субстрата, но и вскрывает связь последнего с мантическими практиками, основанными на древней астрономии и математике, что в свою очередь свидетельствует о несомненном родстве пятеричности с магическим квадратом Ло шу 洛书 и таким важнейшим памятником древнекитайской мысли как «Канон перемен». В процессе исследования была выявлена преемственность идеи пятеричности в философии раннего конфуцианства: установлена связь между текстами «Хун фань» и «У син», указывающая на принадлежность последнего школе Цзы Сы и Мэн-цзы.

Главным выводом диссертационного исследования можно считать утверждение о том, что пятеричная классификация, схематизирующая решающее для китайской философии и культуры понятие «центра», функционирует в качестве протокатегориальной схемы, тем самым являясь непосредственным предшественником гексаграммной категориальности.

Перспектива дальнейшего исследования темы категориальных оснований философской мысли в Древнем Китае может включать в себя углубление

компаративного анализа древнекитайских и древнегреческих протокатегориальных схем, а также поиск новых граней взаимодействия традиционных и новейших компонентов в китайской современной культуре.

IV. СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ АВТОРОМ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

**Публикации в рецензируемых научных изданиях, включенных в
Перечень ВАК при Минобрнауки России:**

1. Пушкарская Н.В. К проблеме раннего категориального мышления в Древнем Китае // Философия и культура. 2016. № 10. С. 1430-1441. DOI: 10.7256/1999-2793.2016.10.10407.
2. Пушкарская Н.В. Фигура субъекта в протокатегориальных представлениях Древнего Китая // Идеи и идеалы. 2020. Том 12. № 4. Ч. 1. С. 25-37. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.4.1-25-37.
3. Пушкарская Н.В. Традиционная медицина как пример китайской эпистемической культуры // Идеи и идеалы. 2022. Том 14. № 1. Ч. 1. С. 50-67. DOI: [10.17212/2075-0862-2022-14.1.1-50-67](https://doi.org/10.17212/2075-0862-2022-14.1.1-50-67)

Другие публикации:

4. Пушкарская Н.В. Концепция пяти стихий: становление категориальности в Древнем Китае // Человек и культура Востока. Исследования и переводы-2014 / отв. ред. В.Б. Виноградская. Москва: ИДВ РАН, 2015. С. 81-95.
5. Пушкарская Н.В. Особенности протокатегориального мышления в Древнем Китае // Философские науки. 2018. № 7. С. 51–58. DOI: 10.30727/0235-1188-2018-7-51-58.
6. Пушкарская Н.В. Магический квадрат Лошу как свидетельство рассудочно-математической ориентации китайского стиля мышления //

Философские науки. 2019. Т. 62. № 6. С. 151-159. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-6-151-159.

7. Пушкарская Н.В. Пять стихий в современной культуре Китая // Философия и культура. 2021. № 1. С. 10-29. DOI: 10.7256/2454-0757.2021.1.33489.

8. Пушкарская Н.В. Проблема аутентичности и обзор основных первоисточников учения о пяти стихиях у син // Человек и культура Востока. Исследования и переводы. 2022 / отв. ред. В.Б. Виноградская. М.: ИКСА РАН, 2022. С. 109-133. DOI: 10.48647/IFES.2022.84.79.038.

9. Пушкарская Н.В. Загадка учения о пяти стихиях школы Цзы Сы и Мэн-цзы и текст «У син» // Человек и культура Востока. Исследования и переводы. 2023 / отв. ред. В.Б. Виноградская. М.: ИКСА РАН, 2023. С. 103-113. DOI: 10.48647/ICSA.2023.15.20.041.